

Модернизация региона как гетерархической системы

**Екатерина Владимировна
КАРГАПОЛОВА**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., 36
E-mail: k474671@list.ru

**Надежда Васильевна
ДУЛИНА**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация, 400062, Университетский пр-т, 100
E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Аннотация. Динамичность, изменчивость, рискогенность современного мира требуют разработки гибких и оперативных механизмов модернизации региональных социальных систем. Для современных российских регионов, дифференцированных по темпам развития, качеству жизни населения, важным представляется разработка таких теоретико-методологических подходов, на основе которых стало бы возможно выявить ресурсы и проблемные зоны модернизации. Научная новизна работы заключается в анализе процесса модернизации региона с использованием теоретико-методологических возможностей системного подхода, концепций гетерархии и модернизации. Подчеркивается пересечение предметных полей понятий «гетерархия», «регион», «модернизация» в решении вопросов о принципах (ценностных основаниях) управления процессом модернизации в регионе с использованием ресурсов гетерархий. На основе результатов мониторингового социологического исследования, проведенного с 2010 по 2016 г. в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской

Для цитирования: Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. Модернизация региона как гетерархической системы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 11. № 1. С. 70-86. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.4

For citation: Kargapolova E.V., Dulina N.V. Modernization of a region as a heterarchical system. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 70-86. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.4

программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», было выявлено укрепление вертикали власти, то есть иерархических отношений в институционально-регулятивной сфере. Рост институциональной гетерархии, суть которой заключается в усложнении и имитации социальных институтов, проявляется в преобладании нерыночной мотивации у астраханцев, а также колебаниях значений рыночной и нерыночной мотивации в зависимости не только от социально-экономической, но и политической конъюнктуры. Имитация социально-экономических институтов проявляет дисфункцию жизнеобеспечивающей сферы социокультурного пространства региона и является проблемной зоной модернизации региона. Интеллектуальная гетерархия («война за нормы») зафиксирована в снижении поддержки базовых ценностей одновременно с укреплением первичных социальных сетей в структуре жизненного мира населения региона. Кроме того, изменение системы ценностных установок проявляется в снижении планки социальных притязаний относительно восприятия нормы в оценке собственного здоровья и состояния окружающей среды. Интеллектуальная гетерархия в регионе дополняется географической, так как наблюдается миграционное замещение части населения региона с более высокими социальными запросами носителями номадического (кочевнического) менталитета с заниженной планкой социальных притязаний. Имеющиеся гетерархии могут свидетельствовать о том, что Астраханская область как система близка к границе фазы реорганизации, которая означает переход системы региона к более устойчивому состоянию за счет ее упрощения. При соответствующем организационном оформлении ресурсом модернизации региона могут стать заниженные социальные притязания части населения региона.

Ключевые слова: регион, модернизация, гетерархическая система.

Введение

Сложноопределяемый концепт «регион» в современном социально-гуманитарном знании исследуется в русле различных теоретико-методологических парадигм – структурно-функциональной (системной) [1, 2], институциональной [3], неинституциональной [4, 5], пространственно-территориальной [6, 7], сетевой [8], социокультурной [9, 10], воспроизводственной [11], синергетической [9] и др. Пристальное внимание к региональным системам обусловлено наблюдающейся в современном мире тенденцией к локальной автономии на фоне процессов глобализации. Таким образом, растет актуальность изучения региона как системы, обладающей общими для всех систем свойствами, и специфики этой системы, обусловленной укорененностью действий субъектов в определенном социокультурном пространстве.

Динамика социальных процессов, их рискоспособность, сопровождающаяся специализацией подсистем, усилением их взаимозависимости, требует выработки не только форм адаптации региональных систем к вызовам современности, но и гибких, оперативных механизмов их модернизации на основе упреждающего воздействия. Соответственно, актуализируется

применение новых методов и подходов к осмыслению модернизации территорий, что особенно важно в российских условиях существования регионов с учетом дифференциации их развития.

Необходимо также учитывать, что в условиях нестабильности социальная система отличается разбалансированностью, значение случайных, единичных факторов возрастает. Следовательно, растет необходимость изучения небольших (с точки зрения исторического процесса), но масштабных (с точки зрения насыщенности социальной жизни, неясности прогнозов) периодов, а также микросоциального уровня процесса модернизации, ресурсов сетевых неформальных практик и их востребованности при осуществлении модернизации конкретных территорий.

Теоретико-методологические основы исследования

Перспективным при исследовании региональной системы, перед которой стоит задача поиска ресурсов для эффективных ответов на вызовы современности, является, на наш взгляд, междисциплинарный подход. Цель нашего исследования – анализ процесса модернизации в регионе с использованием тео-

ретико-методологических возможностей системного подхода, концепций гетерархии и модернизации. В результате будет возможно идентифицировать стадию развития, на которой находится региональная система, выявить ресурсы, а также проблемные зоны модернизации региона.

Что касается теории гетерархии, то ее основные положения разработаны Д. Старком. Под гетерархией он предлагает понимать особый способ организации социального пространства, характеризующегося интенсификацией социальных отношений, их нарастающей сложностью, внутренним разнообразием и организационной рефлексивностью, взаимозависимостью элементов социальных систем в условиях динамичности общественной жизни в эпоху современности [12, 13]. Применение концептуальных идей, выдвинутых Д. Старком, оказалось продуктивным для современного социально-гуманитарного знания. Так, например, в филологии понятие «гетерархия» используется при исследовании моделей спонтанных монологических текстов повествования и рассуждения, где существование гетерархии предполагается «на уровне озвучивания внутренней речи, претворения мысли в слово, которая, в конечном счете, образует строгую иерархию на макроструктурном уровне, т.е. на уровне законченного текста» [14, с. 264]. В психологии при анализе рефлексии в структуре сознания обосновывается тезис о том, что «рефлексия выступает базовым процессуальным средством сознания, организованным на основе гетерархического принципа» [15, с. 6]. А междисциплинарные исследования социализации личности в условиях вариативности развития современного общества сквозь призму концепции гетерархии позволили сделать вывод о межфункциональной диахронии процесса социализации, вызванной противоречиями «внутренних „институциональных образований личности..., внутрисистемных и межсистемных взаимосвязей подчинения (иерархии) и соподчинения (гетерархии)» [16, с. 104].

Историки разрабатывают гетерархическую модель политогенеза, формировавшуюся у первобытных народов на почве «военной демократии» (в частности, у восточных славян — на основе длительной консервации эгалитарных

черт) [17]. Применение концептуальных положений теории гетерархии позволило сделать фундаментальный вывод о множественности путей социальной эволюции, истоки представлений о которой базируются на идеях К. Маркса об азиатском способе производства и двух траекториях возникновения государственности. Первый путь эволюции — иерархический — основывается на вертикали власти и централизации и характеризуется концентрацией богатства у элиты, наличием сетей зависимости и патронажа, отражением социальной дифференциации в погребальной обрядности, контролем элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитием ремесла для потребностей верхов, наличием культов вождей, их предков, отражением статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второго — гетерархического — пути «характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества, направленные на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни» [18, с. 19]. На наш взгляд, признаки иерархических и гетерархических отношений, выделенные историками при анализе путей возникновения государственности, применимы и при исследовании современной эпохи.

В экономической науке для разработки методологической базы моделирования взаимодействия и развития территориальных социально-экономических систем обосновывается необходимость экономического анализа организационных форм, обладающих свойствами гетерархии, в частности, сложившихся плотных сетей «переплетенных прав собственности, которые пронизывают отрасли и сектора экономики, простираются поверх их границ, в особенности затрагивая наиболее крупные предприятия и банки» [19, с. 91].

Нельзя не отметить концептуальную близость положений теорий гетерархии и сетевого анализа (в частности, в русле последней — идеи М. Грановеттера о силе слабых связей в обществе [20]). При социологическом анализе явле-

ний и процессов использование данных теорий особенно продуктивно, так как они направлены на решение вопросов о способах связей между элементами социальных систем, в частности, «взаимодействия микроуровня со структурами макроуровня» [20, с. 31]. Ряд ученых употребляет понятия «гетерархия» и «сетевое общество» практически как синонимы при исследовании экономической деятельности («сетевой экономики») [21], виртуальных организаций [22, с. 80], методов управления [23]. Отмечается, что ориентация на взаимовыгодное сотрудничество, отсутствие иерархичности или снижение ее значимости, формирование структуры «горизонтальных отношений» являются характеристиками как социальных сетей [24], так и гетерархий. Другие исследователи настаивают на принципиальных различиях сетевого и гетерархического подходов. Так, например, Н.Н. Крадин при анализе стратегий политогенеза употребляет термины «иерархический» и «сетевой» как синонимы, а гетерархический путь отождествляет с кооперативным [18, с. 19]. По мнению И. В. Красавина, соотношение понятий «иерархия», «сеть» и «гетерархия» является более сложным. «В процессе дифференциации размножаются иерархии, а сети — инструмент размножения упорядоченных структур; вместе они образуют гетерархию, которая представляет собой „полную” модель отношений сообщества как множественного целого» [25, с. 36].

Напомним, что термин «гетерархия» был впервые употреблен в 1945 г., на заре компьютерной эпохи, У. Маккалоком для анализа нейронных сетей [13, с. 79]. Вероятно, поэтому теория гетерархии применяется при исследовании новых масс-медиа, интернет-коммуникаций как системообразующего элемента формирования принципиально новой системности связей с общественностью, основанных на отказе от пространственной интеграции, невозможности продуцировать односторонние объект-субъектные модели, слабой координации, непредсказуемости, неконтролируемости [26, с. 53–54; 27, с. 6, 9]. Хотя и необходимо отметить, что зарубежные авторы на примере одной из фирм новой медиа-индустрии Лондона исследуют обратный процесс — от гетерархии (нелинейные, гибкие, открытые, автопоэтические, неорга-

низованные сети; краткосрочные проекты: например, разработка модных web-дизайнов; смена персонала, неполная занятость) к иерархии («прямая корпоративная работа»; долгосрочные перспективы отношений с клиентами; профессиональное консультирование) [28], что может быть, на наш взгляд, отражением процесса обретения интернет-коммуникациями институциональных форм.

Что касается теории модернизации, то мы уже обращались к анализу ее теоретических положений [29, 30]. Применение положений концепций гетерархии и модернизации к анализу региональных процессов является весьма продуктивным, так как наблюдается пересечение предметных полей понятий «гетерархия», «регион», «модернизация»: гетерархия понимается как форма организации [13], управления и принятия политических решений [31, с. 43; 32]; модернизация позиционируется как сознательно иницируемый органами власти, управляемый процесс [29, 30, 33], а характеристиками региона как самоорганизующейся системы наряду с территориальностью и способностью к интеграции / дезинтеграции являются иерархичность и управляемость [34, 35]. Таким образом, общей задачей при выявлении сущности концептов «гетерархия», «регион», «модернизация» выступает решение вопросов о природе, принципах (ценностных основаниях) управления в ситуации «„прошивания” измененного мира онтологической неопределенностью и неравновесностью базовых композиций общественного бытия, подвигающих социум к хаосу и неуправляемости» [36, с. 27].

В рамках теории гетерархии пока еще не сложилась концептуальная модель управления. Так, по мнению Д. Старка, гетерархия как новый способ организации лежит между двумя полюсами — рыночными, основанными на отношениях независимости, и иерархическими, базирующимися на отношениях зависимости, тогда как в гетерархиях преобладают отношения взаимозависимости, минимальной степени иерархичности и организационной гетерогенности [12].

Существует также точка зрения, согласно которой гетерархия и иерархия противопоставляются как две крайние точки управления системами на оси «самоорганизация — организа-

ция» [31, с. 43; 37, с. 13; 38, с. 262–263]. Но ряд исследователей оспаривает использование понятия гетерархии в качестве базового антонима иерархии [39]. Полярными являются иерархия и анархия как принципы упорядочивания, а гетерархии существуют между этими полюсами в рамках изменчивых отношений между государством и обществом [40]. Е.Е. Бочарова, отмечая оппозиционность многих характеристик иерархии и гетерархии, подчеркивает, что эти категории не являются взаимоисключающими. «Гетерархия зачастую определяется как „множественная иерархия“, как объединение в единой системе дифференцированных, но взаимозависимых уровней, каждый из которых обладает собственными принципами, механизмами организации... Все эти уровни значимы, но не всегда могут быть функционально паритетными, вместе с тем общая многомерность гетерархии поддерживается сложностью каждого уровня» [16, с. 106]. Исследователь обращает внимание на то, что в иерархиях преобладают связи управления (супреординации) и подчинения (субординации), тогда как в гетерархиях – связи координации [16, с. 106]. По мнению В.А. Осипова, гетерархию можно исследовать как процесс и результат «взаимодействия и взаимопроникновения иерархических и сетевых структур, горизонтальных и вертикальных процессов, ... что приводит к резкому росту социально полезной активности, появлению новых смыслов, ресурсов» [32, с. 40]. Близкую по смыслу точку зрения высказывает И.В. Павлюткин. Сущность природы гетерархии, по его мнению, заключается в симбиозе двух форм организаций – нескольких формальных организаций (иерархических структур, действующих согласно формальным правилам и процедурам) и сетей спонтанного общения. В результате этого симбиоза зарождается гуманитарная предпринимательская активность [41, с. 47–48].

Существует также точка зрения, согласно которой гетерархия противопоставляется государству как виду сложносоставной политической монополии, при этом гетерархия выступает условием легитимации этой монополии [42]. В связи с этим разрабатываются представления о том, что государство может инициировать имитацию гетерархий [42], создание псевдогетерархий [32, с. 41]. По нашему мнению,

данные представления рефлексированы в русле концепций о государстве–Левиафане, противостоящем общественным структурам. Но существует также представление о государстве как центральном «узле» гетерархии, который несет ответственность за метауправление [43]. Подобное представление сродни идеальной модели управления, позиционированной еще китайским философом, основателем даосизма Лао-цзы, который считал лучшим того правителя, о котором народ просто знает, что он существует [44]. В рамках теории гетерархии подобные представления концептуализированы в идеи о том, что самоорганизационные процессы необходимо понимать как передачу управления автономным частым организациям, а «контроль предполагает лишь создание условий для возникновения гетерархических систем. Конкретным способом создания условий является постановка целей для автономных частей» [31, с. 46–47]. И, таким образом, в идеале государство способно не только имитировать, но и создавать гетерархии, организуя условия для их возникновения. Более того, «сталкиваясь со сложными задачами, высший уровень управления может повысить шансы на выживание всей системы, не только ограничивая свободу, но иногда и, наоборот, расширяя разнообразие нижних уровней, разрешая и поощряя творческую инициативу и облегчая тем самым запуск самоорганизующихся тенденций. Именно свобода нижних уровней надежно поглощает разнообразие ситуаций в активной и агрессивной среде, приводит к творческому решению труднейших проблем...» [37, с. 15].

Что касается системного подхода, то гетерархия может рассматриваться в контексте сложных систем как вид динамичных гетерархий (наряду с доминантной полной, доминантной неполной иерархиями и холархией). «Сложная система, структура которой определена как гетерархия, описывается нечеткой ситуационной сетью» [45, с. 47]. Принцип гетерархии при этом необходим для фиксации того факта, «что в развитии структурных подразделений социального целого ни за одним из них не закреплена постоянная роль ведущего...» [36, с. 27]. Идеи о наличии множественных центров развития, усиления внутреннего разнообразия и организационной рефлексивности в

теории гетерархии пересекаются также с представлениями о регионализме как характеристике многополярной модели мироустройства и постулатами неомодернистских концепций многокультурной модернизации о возможностях перехода от традиционного общества к современному индустриальному с учетом цивилизационных особенностей [46, 47]. На основе этого можно прийти к выводу, что любая цивилизационная специфика при соответствующем организационном оформлении и организационной структуре может стать важнейшим ресурсом модернизации. А создание такого оформления и таких структур – управленческая задача. Рост значимости грамотной постановки и решения таких задач в гетерархических системах повышается. «В сетевцентрической модели управления при улучшении качества управленческих решений ошибка системы уменьшается (по сравнению с иерархической организацией). При ухудшении качества управленческих решений ошибка сетевцентрической системы увеличивается (по сравнению с иерархической организацией)... Сетевцентрические методы управления имеют наибольший положительный эффект именно в тех отраслях экономики, где существует высокое качество принятия управленческих решений» [23, с. 26].

Исследование региона как гетерархической системы позволяет прояснить также процессуальные вопросы, а именно то, на какой фазе развития эта система находится, какие связи – горизонтальные (самоорганизации) или вертикальные (организации) – в настоящий момент преобладают. Как отмечает Д.М. Бондаренко, социальные системы могут изменять свою внутреннюю организацию, развиваясь в гетерархической или иерархической плоскости, что определяется политической культурой и характером отношений между людьми. «Как правило, гетерархические связи и институты получают большее развитие в тех обществах, где значение непосредственных межличностных отношений выше или хотя бы не ниже, чем отношений деперсонализированных и формализованных...» [48].

Вследствие этого необходима разработка ситуативных моделей управления, реализация которых даст максимальный эффект развития при минимальных затратах ресурсов. Исследо-

вателями уже выделены преимущества и недостатки реализации гетерархических и иерархических моделей в зависимости от конкретных условий и вызовов внешней среды. Так, в качестве достоинств гетерархий выделяются их адаптивность вследствие гибкости структуры, которая подвергается быстрой корректировке; автономность экономических элементов системы, которая «способствует минимизации упущенной выгоды за счет наиболее полной реализации условий внешней среды» [38, с. 262–263]; способность к самоорганизации, то есть решение конкретных задач при нестабильных условиях с быстрым ростом сложности [31, с. 43–44]; преобладание мотивации на «основе убеждения, превращения людей в команду единомышленников путем сближения их моделей реальности, целей, точек зрения, видения проблем»; создание возможностей для принятия решений тому, кто ближе всего к проблеме; стимулирование инициативы, эффективное использование человеческих ресурсов, создание условий для подготовки будущих лидеров, использования потенциала способных людей [37, с. 13, 16].

К достоинствам иерархических систем можно отнести способность к «минимизации затрат за счет эффективного распределения ресурсов по строго формализованным видам деятельности» [38, с. 262–263]; эффективность решения «задач со стабильным развитием с предсказуемым уровнем сложности, который позволяет регулировать темп принятия решений из единого центра...» [31, с. 44]; облегчение контроля, снижение вероятности ошибок из-за неопытности исполнителей; исключение возможности паразитирования; создание условий для использования опыта и знаний высшего руководства; сравнительная предсказуемость; эффективное использование различных ресурсов, кроме человеческих [38, с. 16]. «Ставка на иерархические структуры оправдана в стабильных условиях, без жесткой конкуренции, при монопольном характере функционирования» [38, с. 15].

Материалы и методы

Иерархические принципы организации необходимы социокультурному пространству нашей страны для сохранения целостности. Но для России характерна также дифференциро-

ванность ее огромного пространства, характеризующаяся потенциалом гетерархической самоорганизации «снизу». Для этого возможно также употребить термин «холон». «Холон, будучи целостностью, одновременно является частью другой целостности. Например, холоническую структуру имеет наше федеративное государство. Каждый из холонов (отдельно взятые люди, семья, производственные и общественные объединения людей, муниципальное образование, субъект Российской Федерации) в достаточной степени автономен, однако для решения общих задач холоны взаимодействуют между собой, опираясь на действующие нормативные правовые акты или оперативно заключая прямые соглашения. В холонической системе каждый холон – это своеобразный „строительный блок ... Процессы управления в холонических системах базируются на гетерархических и иерархических принципах... В холонических системах гибкость гетерархии сочетается со стабильностью иерархии» [49, с. 42].

Представление о регионе как своеобразном строительном блоке акцентирует роль отдельного региона в сохранении единства архитектурного сооружения российской государственности. Астраханская область (как строительный блок) занимает стратегически важное геополитическое положение на Юге России и в Прикаспии, находится на пересечении крупных торговых путей. Ее социокультурное пространство исторически сложилось на пересечении Востока и Запада и характеризуется гетерогенностью и многоукладностью, что проявляется и в хозяйственной жизни (газовая промышленность, рыба, овощи, бахча...), и в маргинальности ценностного сознания, обусловленной исторически сложившимися поликонфессиональностью и полиэтничностью и усиленной масштабами современных миграционных потоков. В менталитете астраханцев проявляется деревенский типаж со сниженной планкой социальных притязаний, с коллективистскими установками (более подробно см. [29]).

Для исследования процессов модернизации в регионе использовались анализ статистической информации, динамики индексов человеческого развития и индексов модернизации (методика расчета предложена Китайской

академией наук [33]), а также результатов мониторингового социологического исследования, проведенного под руководством Е.В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, ЦИСИ ИФ РАН) [50]. Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N = 1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600), третий – в апреле-мае 2016 г. (N=1000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: пол, возраст, тип поселения, этническая структура. Погрешность выборки – 3%. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук.

Инструментарий Типовой методики включает в себя вопросы интервью, посвященные различным аспектам жизнедеятельности региона. В данной статье мы анализируем ответы астраханцев на те вопросы, которые позволяют составить представление о сложном соотношении («переплетении») иерархических и гетерархических отношений, степени соответствия/несоответствия иерархической организационной структуры и неформальных практик населения; о тех элементах социальной системы, которые могут быть использованы в качестве ресурса модернизации, и тех проблемах, которые стоят на пути данного процесса.

Проведен также сравнительный анализ динамики индексов модернизованности, человеческого развития и динамики результатов социологического мониторинга, полученных в Астраханской области. Результаты мониторинга в регионе сопоставлены с некоторыми результатами опросов в других регионах России, в которых исследование проводилось по аналогичной методике. Это позволяет повысить достоверность полученных результатов.

Результаты исследования

Рассмотрим процессы модернизации в Астраханской области на макроуровне иерархической структуры страны – в социокультурном пространстве Южного федерального округа.

Судя по индексам модернизации, в 2011 году Астраханской области удалось преодолеть системное отставание и войти в стадию «срединной» первичной модернизации [29, 51]¹. Такое качественное изменение положения региона отражается и в динамике индекса человеческого развития: с 1999 г. все субъекты ЮФО, равно как и сама Российская Федерация, значительно повысили свои индексы человеческого развития и их составляющие, но только Астраханской области в рейтинге субъектов РФ удалось подняться на 20 позиций – с 41 места в 1999 г. до 19 места в 2013 году².

В результатах второй волны мониторинга социологического исследования в Астраханской области по Всероссийской научно-исследовательской программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (2012) по сравнению с результатами первой волны

(2010 г.) укрепилось интегрирующее ядро ценностей: если в 2010 г. в интегрирующее ядро системы ценностей астраханцев входили две ценности – жизнь человека и семья, то в 2012 г. уже шесть – жизнь человека, семья, общительность, порядок, благополучие, традиция³. Данные результаты свидетельствуют о росте поддержки базовых ценностей астраханцами в этот промежуток времени. Подобная тенденция зафиксирована в результатах Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» [52, с. 20], а также в Чувашской Республике, Вологодской области [53, с. 68; 54, с. 67-69; 55, с. 78]. Кроме того, несколько снизилась нерыночная мотивация трудовой деятельности (с 57,4 до 53,4%) (табл. 1), наблюдалось снижение протестного потенциала и т.п. (с 45,2 до 35,1%) (табл. 2) (более подробно см., например [29]).

Таблица 1. Ответы астраханцев на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	47,4	41,9	43,5
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	10,0	11,5	13,0
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	5,4	6,2	9,1
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	14,6	12,4	18,2
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	12,5	15,0	11,7
Не знаю	5,3	5,3	1,8
Отказ от ответа	4,8	7,7	2,7
ИТОГО	100	100	100

¹ ИАС «Модернизация». URL: <http://mod.vscs.ac.ru> (дата обращения: 03.05.2017).

² Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации. URL: <http://www.undp.ru> (дата обращения: 03.03.2017).

³ Система ценностных ориентаций населения Астраханской области исследуется нами на основе методики изучения структуры ценностей, разработанной Н.И. Лапиным. Цель этой методики – выявление кластеров ценностей, которые ориентируют поведение индивидов и иных социальных субъектов по отношению к основным функциям российского общества и его регионов как социокультурных целостностей. В процессе анализа четырнадцать изучаемых ценностей были разделены на два кластера: интегрирующий и дифференцирующий. Интеграция рассматривается как основная функция базовых ценностей. В свою очередь дифференциация, основывающаяся на меньшей части базовых ценностей, по своему функциональному предназначению направлена на сохранение и изменение структуры статусов и ролей. Разбиение ценностей по кластерам и слоям организовано исходя из соответствия средневзвешенной оценки той или иной ценности соответствующему балльному интервалу (границы интервалов установлены методикой исследования). Внутри каждого кластера выделяют по два иерархических слоя. Составляющими интегрирующего кластера являются интегрирующее ядро (свыше 4,4 баллов) и интегрирующий резерв (3,91–4,39 балла), а дифференцирующий кластер представлен оппозирующим дифференциалом (3–3,9 балла) и конфликтогенной периферией (2,99 балла и менее). В интегрирующее ядро входят основополагающие ценности. К слою интегрирующего резерва относят ценности второго порядка (запаса). В оппозирующем дифференциале находятся ценности, которые многие люди отказываются принять в качестве собственных ориентиров. Конфликтогенная периферия включает ценности, отрицаемые большинством [50].

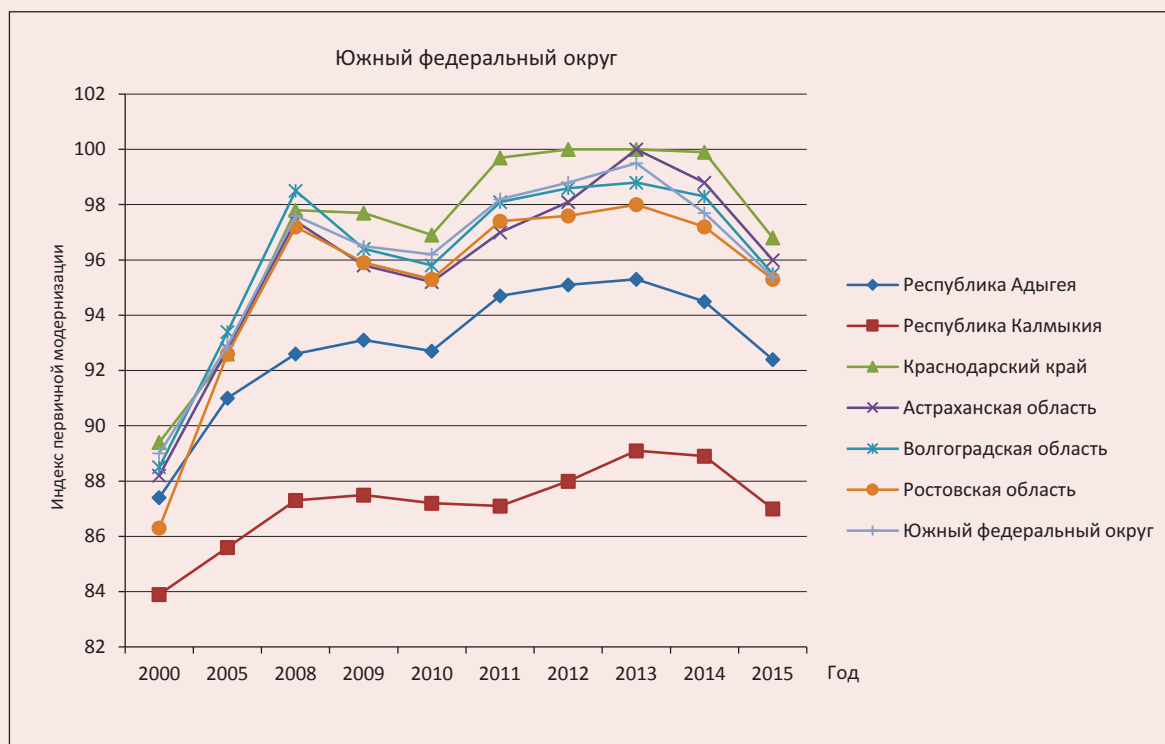
Таблица 2. Ответы астраханцев на вопрос «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Готов	23,8	16,1	18,2
Пожалуй, готов	21,4	19,0	25,8
Пожалуй, не готов	15,8	21,5	21,9
Не готов	26,0	27,7	26,2
Затрудняюсь ответить	10,5	12,4	4,6
Отказ от ответа	2,5	3,3	3,4
ИТОГО	100	100	100

Но после 2013 г. показатели первичной (индустриальной) модернизации в Астраханской области начинают снижаться, так же как и во всех регионах ЮФО (рисунок). В Республике Адыгея в 2015 г. положение изменилось даже стадийно: регион от стадии «ниже срединного» возвращается к стадии, на которой находился до 2011 г., – «традиционный, предваритель-

ный». Астраханской области удалось сохранить свое положение по типологии стадий модернизации. Индекс человеческого развития этого региона в 2014 г. хотя и увеличился, но его место среди субъектов Российской Федерации снизилось с 21-го до 23-го, что связано с сокращением ВРП на душу населения и ожидаемой продолжительностью жизни⁴.

График трендов первичной модернизации регионов Южного федерального округа

Источник: ИАС «Модернизация». URL: <http://mod.vscs.ac.ru> (дата обращения: 03.05.2017).

⁴ Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации. URL: <http://www.undp.ru> (дата обращения: 03.03.2017).

Рассмотрим, каким образом проявилось снижение показателей модернизированности и человеческого развития в состоянии Астраханской области как социокультурной системы в 2015–2016 гг. в русле представлений об институциональной, интеллектуальной и географической гетерархии [56, с. 233–241].

Что касается *институциональной гетерархии*, то, по мнению В.С. Мартыанова, ее сущность в современном обществе заключается в усложнении и имитации институтов [56]. Необходимо отметить, что в институционально-регулятивной сфере региона в последнее десятилетие наблюдается укрепление вертикали власти, то есть иерархических отношений. Это проявляется в статистических показателях численности и доли работающих в органах власти в общей численности рабочей силы. В 2015 г. в органах государственной власти и местного самоуправления Астраханской области было занято 16 145 чел. С 2000 г. в регионе наблюдается увеличение числа занятых в сфере государственного управления, причем только в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — более чем на 40%. Это связано, как и в других регионах страны, с увеличением доли чиновников, работающих в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти, то есть в структурах, деятельность которых регулируется указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации. К 2015 г. численность чиновников в регионе, работающих в данных структурах, составила 8882 чел. — около половины всего чиновничьего корпуса региона. Объем этой социальной группы достиг максимального значения в 2014 г. (9214 чел.), что было практически в три раза больше показателя 1995 года⁵.

По результатам третьей волны мониторингового социологического исследования в 2016 г. в регионе зафиксирован рост институционального доверия. Так, по сравнению с результатами второй волны мониторинга (2012 г.) уровень доверия прокуратуре вырос на 20,3%, Законодательному Собранию, Думе региона — на

13,9%, полиции — на 17%, правительству — на 12,2%, профсоюзам — на 11,6%, муниципальным, местным органам управления — на 11,2%, губернатору — на 10,6%, суду — на 9,7%, региональным отделениям политических партий — на 9,5%, средствам массовой информации — на 5%. По всем социальным институтам (за исключением СМИ) наблюдается превышение показателей 2010 г.

Но, несмотря на укрепление вертикали власти и рост институционального доверия, в 2016 году только каждый пятый астраханец (20,4%) чувствовал себя в полной безопасности на улице в районе проживания после наступления темноты, около половины опрошенных (44,3%) — в относительной безопасности, примерно каждый четвертый респондент (23,6%) ответил «небезопасно», каждый десятый житель региона (9,8%) — «совсем небезопасно». На вопрос «Были ли случаи за последние пять лет, когда Вы или члены Вашей семьи стали жертвами грабежа, нападения, насилия?» каждый пятый астраханец ответил утвердительно. Уровень протестного потенциала в 2016 г. вернулся к уровню 2010 г. (см. табл. 2).

Ярким проявлением институциональной гетерархии в социально-экономической сфере (а именно имитация институтов рыночной экономики) является преобладание нерыночной трудовой мотивации у населения региона и колебания мотивации труда — от рыночной к нерыночной, которые зависят не только от рыночной, но и политической конъюнктуры (см. табл. 1). Институциональная гетерархия проявляется и в распределении занятых на предприятиях по формам собственности. Так, за весь период исследования на государственных организациях было занято около 40% жителей региона. Согласно результатам опроса, доля занятых на предприятиях различных форм частной собственности снижалась: если в 2010 г. она составляла примерно 35 %, в 2012 г. — около 30%, то в 2016 г. — около 23% (см. табл. 3). С 2010 г. снижалась и доля занятых по основному месту работы на акционерных предприятиях с участием государства, на частных предприятиях, в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных кооперативах. В 2012 г. зафиксирован максимум занятых индивидуальной трудовой деятельностью, но в 2016 г. эта доля возвратилась к уровню 2010 года. При этом если в 2010 г. на дополнительной

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2009. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p (дата обращения: 13.02.2016); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p (дата обращения: 13.02.2018).

Таблица 3. Ответы астраханцев на вопрос «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной работе?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Органы государственной власти или местного самоуправления	н/д	н/д	13,6
Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т. п.)	н/д	н/д	13,3
Государственное, муниципальное предприятие	41,9	38,9	11,1
Акционерное предприятие с участием государства	10,2	6,5	4,3
Акционерное предприятие без участия государства	3,4	5,4	3,3
Предприятие, находящееся в Вашей личной собственности	1,9	2,7	2,4
Частное предприятие (не Ваша собственность)	14,0	7,5	10,3
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	3,9	1,4	0,4
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,9	0,8	0,4
Личное подсобное хозяйство	1,1	0,1	0,7
Индивидуальная трудовая деятельность	2,0	7,3	2,5
Другое	1,7	0,4	0,7
Не имею постоянной работы	6,5	6,9	0
Не знаю	0,8	1,7	0,9
Отказ от ответа	11,0	11,0	2,9

работе был занят примерно каждый десятый (10,8%), в 2012 г. — каждый двенадцатый—тринадцатый (7,9%), то в 2016 г. — каждый пятый—шестой (18,9%). И большая доля «подработок» (4,4%) в 2016 г. приходилась на бюджетные организации — школы, поликлиники.

От волны к волне мониторинга колебалась также мотивация занятости на предприятиях по формам собственности. Так, в 2010 г. на предприятиях, находящихся в частной собственности, хотело работать около 40 % астраханцев, что было примерно равно доле желающих быть занятыми на государственных предприятиях и в организациях. При этом среди категории желающих работать на частных предприятиях больше всего опрошенных предпочло бы работать на предприятиях, находящихся в личной собственности (15,9%). В 2012 г. доля желающих работать на предприятиях частного сектора выросла по сравнению с уровнем 2010 г. на 9,8% и составила 47,9%, что на 12,8% превышало долю желающих трудиться по основному месту работы на государственных предприятиях. В 2012 г. больше всего астраханцев хотело бы работать на собственных частных предприятиях и заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. В 2016 г. доля астраханцев, которые предпочли бы работать на предприятиях частного сектора, не только снизилась до уровня 2010 года, но и стала гораздо меньше, чем доля желающих работать на предприятиях государственного сектора экономики (37,9% против 51,5%).

Интеллектуальная гетерархия является своего рода реакцией на монополию системы ценностей, которая есть у государства, чутким индикатором «расхождения легального и легитимного, действительного и возможного в сложившейся организации общества» [56, с. 241]. Как подчеркивает Д. Старк, «гетерархии — это организации с множественными мировоззренческими позициями» [12, с. 124], «это сложные адаптивные системы, ибо в них переплетается множество принципов оценки деятельности. Они являются гетерархиями ценностей» [13, с. 77].

Интеллектуальные гетерархии в структуре жизненного мира астраханцев проявляются в росте социокультурных дистанций, и прежде всего в значительном падении поддержки практически всех базовых ценностей при сохранении их иерархии: если в 2012 г. средний балл поддержки всех ценностей составлял 3,99, то в 2016 г. — 3,56 балла по пятибалльной шкале. Это является существенным в данном, достаточно коротком временном диапазоне и не может быть объяснено обычной статистической погрешностью в рамках используемой нами методики исследования системы ценностей: падение поддержки было настолько значительным, что все ценности расположились в кластерах интегрирующего резерва, оппонирующего дифференциала и конфликтогенной периферии, а в интегрирующем ядре не оказалось ни одной ценности. Необходимо отметить, что замет-

ное снижение поддержки базовых ценностей в этот же период зафиксировано и по результатам Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» [52, с. 20], и по результатам опроса во Владимирской области [57]. Кроме того, проявлением интеллектуальной гетерархии служит зафиксированный в результатах мониторинга рост доли тех астраханцев, которые посещают культурно-массовые учреждения крайне редко (в 2016 г. таких уже около половины), но примерно каждый третий начинает их посещать чаще. Не может не радовать, что в последней группе преобладает молодежь.

Одновременно с усилением маргинальности ценностного сознания астраханцев укрепляются первичные социальные сети. Так, значимость ценности семьи в структуре первичных социальных сетей увеличилась в период с 2010 по 2016 г. на 10%: если при ответе на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» в 2010 г. вариант «семья» выбрали 71,9% опрошенных, то в 2016 г. — 81%. В 2,9 раза повысилась значимость круга друзей (с 18% в 2010 г. до 52,3% в 2016 г.). Заметно возросла значимость профессионального круга и круга соседей, причем эта тенденция проявилась уже в 2012 г. (с 5,8 до 16,7% и с 4,3 до 13,5% соответственно).

Интеллектуальные иерархии отражаются в игнорировании населением ухудшения объективных показателей экологической обстановки в регионе и росте позитивных оценок чистоты воздуха (с 21,5% в 2010 г. до 28,1% в 2016 г.) и воды (с 20,6 до 32,7% за этот же период). Хотя в регионе за этот же период наблюдалась самая значительная среди субъектов ЮФО динамика снижения использования свежей воды — с 2335 до 794 млн. куб. м, то есть в 2,9 раза, а уровень выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и в 2016 г. продолжал превышать уровень 1990 года⁶.

Это, с одной стороны, свидетельствует, на наш взгляд, о снижении планки социальных притязаний у населения в условиях решения

⁶ Регионы России: социально-экономические показатели. 2010. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b10-14p/Main.htm> (дата обращения 28.09.2017); Регионы России: социально-экономические показатели. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения 28.09.2017).

приоритетной проблемы выживания с минимальным горизонтом планирования. С другой стороны, это демонстрация поведения потребителя, у которого экономические интересы превалируют над всеми остальными (более подробно см. [58]). Снижение планки социальных притязаний проявляется также в повышении самооценок собственного здоровья. Так, доля астраханцев, которые оценивают свое состояние как нормальное, выросла от первой волны к третьей с 28,3 до 40,3%, а доля ответивших «временами болею», напротив, снизилась с 43,7 до 37,6%. Хотя одновременно растет недовольство действующей системой здравоохранения, что проявляет ее дисфункцию как социального института. Если по результатам мониторинга в 2010 и 2012 гг. количество удовлетворенных медицинским обслуживанием составляло около 15%, то в 2016 г. эта категория сократилась в два раза и составила всего лишь 7,2%.

Географическая гетерархия проявляется в дистанцировании альтернативных источников власти и норм в географическом пространстве либо в более мягкой форме — побуждении к эмиграции [56, с. 233]. В социокультурном пространстве региона географическая гетерархия проявляется прежде всего в росте эмиграционного запроса. Так, доля тех астраханцев, которые хотят уехать из региона, выросла с 4,6% в 2010 г. до 8,2% в 2016 г.; доля тех, кто хочет уехать из России, — с 1,8 до 3% за этот же период. А доля тех, кто рад, что живет в Астраханской области, напротив, снизилась — с 29,6 до 19,9%. Выросла также категория опрошенных, которые вообще не испытывают никаких чувств к региону (с 9,8 до 16,1%).

Потенциал географической гетерархии в регионе усиливается тем обстоятельством, что Астраханская область — исторически сложившийся перекресток миграционных потоков [59]. И в последние десятилетия на ее территории наблюдается миграционный приток молодого трудоспособного населения из республик Северного Кавказа и Средней Азии [29]. Такой приток в условиях многонационального и поликонфессионального региона приводит к росту межэтнической напряженности, зафиксированной в результатах мониторинга (более подробно см. [29]). С задачей адаптации молодых мигрантов с зачастую низкой профессиональной квалификацией должна «справляться»

система образования региона, потенциал которой, судя по рейтингам, растет. Так, по расчетам Вологодского научного центра РАН регион за период 1990–2010 гг. улучшил свой статус среди субъектов Российской Федерации по сводному индексу уровня развития научно-образовательного пространства и поднялся в этом рейтинге с 67-го на 37 место [60, с. 179–180].

Анализ и пояснение результатов исследования

Таким образом, анализ процессов модернизации региона на основе системного подхода, концепций модернизации и гетерархии позволил сделать следующие выводы.

1. Применение положений теории гетерархии в различных парадигмах современного социально-гуманитарного научного знания – филологической, психологической, социологической, экономической, исторической, политологической, сетевой, системной и др. – свидетельствует о ее значительном теоретико-методологическом потенциале. Вместе с тем междисциплинарный анализ позволил выявить ряд противоречий в применении концептуальных подходов этой теории, что выражается в различных (иногда противоположных по смыслу) трактовках соотношения понятия «гетерархия» с другими понятиями, вариативности трактовки влияния гетерархий на социальные процессы.

2. Перспективными для анализа процессов модернизации региона в теоретическом и прикладном аспектах являются:

- исследовательский вывод о пересечении предметных полей понятий «гетерархия», «регион», «модернизация» в решении вопросов о природе, принципах (ценностных основаниях) управления, а также векторах модернизации региональных систем на основе многополярности, внутреннего многообразия, региональной специфики;

- представления о регионе как сложноорганизованной социальной системе, основанной на иерархических (стабильность) и гетерархических (гибкость) отношениях, которые не взаимоисключают друг друга. Данная система может модернизироваться, изменяя свою внутреннюю организацию в гетерархической или иерархической плоскости. Это актуализирует значимость грамотной постановки и решения управленческих задач, разработку ситуативных моделей управления, реализация которых

даст максимальный эффект развития при минимальных затратах ресурсов. Специфика развития системы при соответствующем организационном оформлении и организационной структуре может стать важнейшим ресурсом модернизации;

- концептуальные положения о государстве-Левиафане, противостоящем общественным гетерархическим структурам, и государстве как центральном узле гетерархии, осуществляющем функции метауправления.

3. Социокультурное пространство Астраханской области можно представить как систему, в эволюции которой можно выделить четыре фазы: роста и аккумуляции, адаптации, накопления изменений и трансформации [61]. В актуальном настоящем состоянии этой системы можно назвать турбулентным, нестабильным, что связано со сменой фаз ее состояний. Состояние системы региона в актуальном настоящем можно идентифицировать как фазу накопления изменений или как фазу реорганизации, что означает близость системы к трансформации, то есть переходу в новое качественное и устойчивое состояние, в нашем случае, путем упрощения системы. Упрощение системы проявляется в снижении планки социальных притязаний у части населения региона с одновременным укреплением ценности первичных социальных сетей и снижением поддержки базовых ценностей. Данный процесс усиливается географической гетерархией, которая проявляется в сложном процессе миграционного замещения социальных групп с более высокими социальными запросами носителями кочевнического менталитета с заниженной планкой социальных притязаний. Обладатели такого типа сознания устойчивы, у них снижен уровень социальных притязаний, но снижен и социальный капитал, проявляющийся в наличии качественного образования и высокого уровня профессиональных компетенций. Это повышает экономическую установку на простое выживание. Кроме того, у них сложилось собственное понимание базовых ценностей. Как ни парадоксально, упрощение системы при соответствующем организационном оформлении и организационной структуре может стать ресурсом модернизации региона. Проблемной зоной модернизации выступает усложнение и имитация социально-экономических институ-

тов, что проявляет дисфункцию жизнеобеспечивающей сферы социокультурного пространства региона.

Таким образом, на основе междисциплинарного синтеза системного подхода, концепций модернизации и гетерархии, анализа статистической информации, динамики индексов модернизации и человеческого развития, результатов социологического мониторинга проанализированы процессы модернизации в

конкретном российском регионе, идентифицирована стадия развития региональной системы, выявлены ресурсы и проблемы модернизации региона сквозь призму сложного «переплетения» иерархических и гетерархических отношений. Полученные результаты могут быть использованы в практике управления повседневной реальностью регионального социума, находящегося в сложном и неустойчивом переходном периоде.

Литература

1. Бондарев А.А. Моделирование и управление регионом как социальной системой: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.08 – социология управления. Пятигорск, 2004. 441 с.
2. Bango J. *Role and Function of Regional Differences in the World Society from the Point of View of Modern Luhmannian Systems Theory (Socio-region as proposed correction)*. Available at: <http://7jcsz.ajk.cltc.hu> (accessed: 07.08.2018).
3. Бондаренко В.И. Социальная структура и институты российского общества в контексте противоречий глобализации и регионализации: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Новочеркасск, 2011. 59 с.
4. Бажин И.И. Социальная инноватика в системе управления регионом: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.08 – социология управления. Нижний Новгород, 2009. 58 с.
5. Говорухин Г.Э. Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск, 2009. 38 с.
6. Ахтариева Л.Г. Организационно-институциональное развитие системы управления экономикой региона: автореф. дис. ... д-ра экон. наук по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика). Уфа, 2011. 40 с.
7. Гамбеева Ю.Н. Институциональная среда и ее влияние на конкурентоспособность региона // Вестник ПАГС. 2012. № 4. С. 103–108.
8. Завалишин А.Ю. Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России): автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск, 2009. 39 с.
9. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 25-34.
10. Социокультурное пространство региона: методология исследования: монография / Н.В. Дулина, О.В. Естрина, Т.И. Игнатенко, Н.А. Овчар, М.М. Самчук, О.И. Ситникова. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. 132 с.
11. Корепанов Г.С. Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.03 – экономическая социология и демография. Тюмень, 2010. 56 с.
12. Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 115-132.
13. Старк Д. Гетерархия: организация диссонанса // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1. С. 57-89.
14. Сошников А.О. Основания для построения моделей спонтанных монологических текстов повествования и рассуждения // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-1 (43). С. 261-264.
15. Карпов А.В. Рефлексия в структуре сознания // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 6-12.
16. Бочарова Е.Е. Реализация системно-диахронического принципа в исследованиях социализации личности // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник мат. Международной научно-практической конференции. 2016. С. 103-107.

17. Пузанов В.В. Посланы дервьска земл а... К проблеме типологии «летописных племён» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 3. С. 44-54.
18. Крадин Н.Н. Основные закономерности происхождения государства // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 239. С. 7-27.
19. Малышев Ю.А. Методологические основы научных исследований к решению проблем эффективного взаимодействия территориальных социально-экономических систем в процессе воспроизводства (часть 1) // ВУЗ. XXI век. 2015. № 3 (49). С. 91-102.
20. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №4. С. 31-50.
21. Дегтярёва С.В., Земляков А.А. К вопросу о содержании сетевых отношений и их месте в институциональной структуре национальной экономики // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 110-115.
22. Озеров Н.И. Трансформация власти и структура организаций // Управление устойчивым развитием. 2017. № 6 (13). С. 78-81.
23. Сетевые методы управления / В.А. Иванюк, Н.М. Абдикеев, Ф.Ф. Пашенко, Н.В. Гринева // Управленческие науки. 2017. Т. 7. № 1. С. 26-34.
24. Бражник Г.В. Роль и значение социального капитала в развитии муниципального образования // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2013. №2. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8965> (дата обращения: 23.09.2018).
25. Красавин И.В. Концепция дифференциальной социальности // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 27-40.
26. Чабаненко М.В. Влияние использования компьютерной техники на условия функционирования новых медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 51-55.
27. Шилина М. Общественные связи как метасистема. Реалии и перспективы теоретических исследований // МедиаАльманах. 2010. № 5 (40). С. 6-10.
28. Lash S., Wittel A. Shifting new media: from content to consultancy, from heterarchy to hierarchy. *Environment and Planning*, January 1st, 2002, vol. 34, no. 11, pp. 1985-2001. URL: https://www.academia.edu/914632/Shifting_new_media_from_content_to_consultancy_from_heterarchy_to_hierarchy (accessed: 01.10.2018).
29. Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, С. Н. Коннова, Д. Р. Крипакова, Ю. Г. Миронова, С. В. Новоселов, И. И. Потапова, Е. О. Черемных; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. Астрахань: АГАСУ, 2017. 378 с.
30. Каргаполова Е. В., Дулина Н. В., Стризов А. Л. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 130-149.
31. Макаревич Е.Г. Гетерархия как способ управления социальными организациями: возможности и специфика контроля // Весник БДУ. Серья 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 1. С. 43-47.
32. Осипов В.А. Гетерархия в системе взаимодействия государства и общества на примере социальной политики в г. Москве: введение понятия и методологические аспекты применения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 1. С. 36-47.
33. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
34. Каргаполова Е.В. Регион как объект социологического анализа // *Primo Aspectu*. 2016. №1(25). Март. С. 46-53.
35. Дулина Н.В. Социально-экономическое развитие региона как гетерархической системы // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2017. №1-2(6-7). С. 27-32.
36. Баркова В.В. Актуальность разработки философских парадигм управления социумом // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 25-30.
37. Зырянов А.В. Формы реализации государственной власти (синергетический поход) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 4 (37). С. 13-16.
38. Краснов Г.А., Краснов А.А., Краснов А.А. Порядок и хаос как затратнообразующие факторы в процессе принятия управленческих решений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 3-1. С. 262-265.

39. Griffin R. Defining heterarchy: the career of a concept. *Academia.edu*. URL: https://www.academia.edu/9483797/Defining_heterarchy_the_career_of_a_concept.
40. Santini R.H., Moro F.N. Between hierarchy and heterarchy: Post-Arab uprisings' civil–military relations and the Arab state. *Mediterranean Politics*. URL: https://www.academia.edu/35044717/Between_hierarchy_and_heterarchy_Post-Arab_uprisings_civil_military_relations_and_the_Arab_state. doi.org/10.1080/13629395.2017.1385170/
41. Павлюткин И.В. Преодолевая границы между государством и церковью: случай православного университета // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 47-64.
42. Мартыанов В.С. Гетерархия как условие государства // Научные тетради Института Восточной Европы. М., 2009. С. 102-132.
43. Mohan K.A., Parthasarathy B. From hierarchy to heterarchy: The state and the Municipal Reforms Programme, Karnataka, India. *Government Information Quarterly*, 2016, vol. 33, no. 3, pp. 427-434. URL: https://www.academia.edu/28229870/From_hierarchy_to_heterarchy_The_state_and_the_Municipal_Reforms_Programme_Karnataka_India. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.05.007>
44. Дао-дэ-цзин / пер. Ян Хин Шун. М.: Мысль, 1972. 25 с.
45. Вовк С.П., Гинис Л.А. Элементы эволюционного моделирования принятия решения в сложных системах с динамичными видами иерархий // Фундаментальные исследования. 2016. № 6-1. С. 47-51.
46. Мартинелли А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 260 с.
47. Паин Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37-54.
48. Бондаренко Д.М. Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия) // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Волгоградский центр социальных исследований, 2006. С. 164-183.
49. Основные принципы модернизации системы управления здравоохранением Самарской области / В.А. Виттих, Г.Н. Гридасов, Е.А. Гриценко, С.И. Кузнецов, Т.В. Тяпухина, Е.В. Кузьмук, Л.В. Кведер, М.С. Буклешева // Управление качеством медицинской помощи. 2012. № 1. С. 40-45.
50. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.
51. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 22-29.
52. Лапин Н.И. Симптомы социогуманитарной рецессии и способы укрепления социального государства // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 19-29.
53. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И. Бойко и др.; под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 2015. 244 с.
54. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 158 с.
55. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред.: Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. 356 с.
56. Мартыанов В.С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 230-248.
57. Плеханов Е.А. Стратификация ценностных предпочтений жителей Владимирской области // Ученые записки. 2018. №1(25).С. 73-77.
58. Социально-экологическая система региона: тенденции и противоречия (на примере Астраханской области) / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, Е.В. Островская, Ю.Г. Миронова // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 3. С. 538-557. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.538-557>.
59. Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Наумов И.Н. «Врата народов»: Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №1(29). С. 88-97.
60. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территории: проблемы формирования и использования / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под общ. ред. А. А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. 184 с.
61. Gunderson L.H., Holling C.S. *Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems*. Washington: Island Press, 2002. 536 p.

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36; e-mail: k474671@list.ru)

Надежда Васильевна Дулина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, 100; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Kargapolova E.V., Dulina N.V.

Modernization of a Region as a Heterarchical System

Abstract. Modern world is dynamic, variable and full of risks, which requires the development of flexible and dynamic mechanisms to modernize regional social systems. For modern Russian regions, different in pace of development and people's quality of life, it is important to develop such theoretical and methodological approaches to based to identify resources and problem areas of modernization. The research novelty lies in the analysis of modernization in a region using the theoretical and methodological capabilities of the system approach, the concepts of heterarchy and modernization. We emphasize the overlap of subject fields of terms "heterarchy", "region", and "modernization" in matters of principles (value basis) of modernization process management in the region using the heterarchy resources. Based on the results of the monitoring sociological study conducted during 2010–2016 in the Astrakhan Oblast using the interview method at the place of residence according to the Standard Methodology of the all-Russian program "Socio-Cultural Evolution of Russia and its Regions", we revealed the strengthening of the vertical of power, that is, hierarchical relations in the institutional and regulatory sphere. The growing institutional heterarchy, whose purpose is to complicate and imitate social institutions, is manifested in predominant non-market motivation among the residents of Astrakhan, as well as in fluctuations in values of market and non-market motivation, depending not only on the socio-economic, but also political situation. The imitation of socio-economic institutions demonstrates the dysfunction of life-supporting sphere of the region's socio-cultural space and is a problem area of modernization of the region. Intellectual heterarchy ("the war for standards") is fixed in reducing support for basic values simultaneously with the strengthening of primary social networks in the structure of the background knowledge of the region's population. Moreover, the changed system of values is manifested in the reduced standard of social claims regarding the perception of the standard in assessing own health and the environment. Intellectual heterarchy in the region is complemented by geographical one as migration substitution of the population in a region with higher social demands by the carriers of nomadic mentality with low social claims. The existing heterarchies may indicate that the Astrakhan Oblast as a system is close to the reorganization phase which means the transition of the region's system to a more sustainable state due to its simplification. With appropriate organizational design, low social claims of the region's population may become the modernization resource of the region.

Key words: region, modernization, heterarchical system.

Information about the Authors

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyannyi Lane, 117997, Moscow, Russian Federation; e-mail: k474671@list.ru)

Nadezhda V. Dulina – Doctor of Sociology, Professor, Volgograd State University (100, Universitetskii Avenue, 400062, Volgograd, Russian Federation; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Статья поступила 22.10.2018.